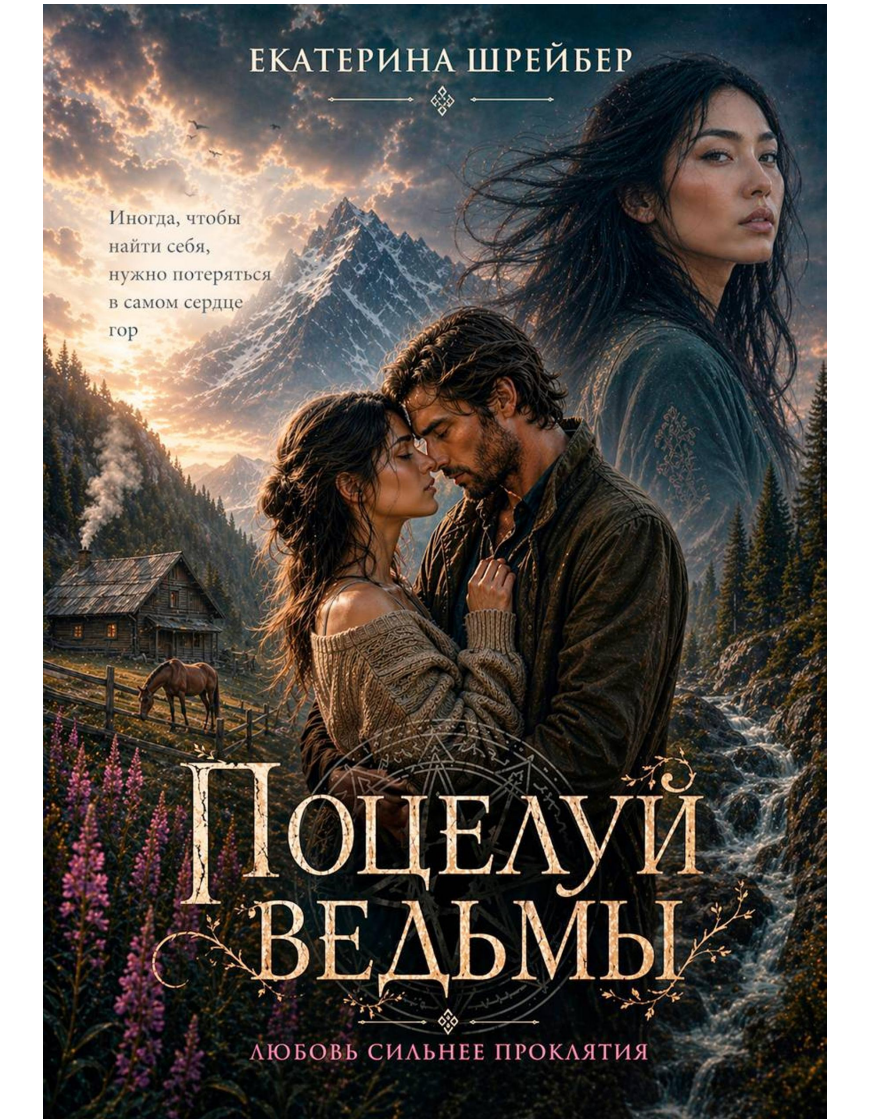

ЕКАТЕРИНА ШРЕЙБЕР

Иногда, чтобы
найти себя,
нужно потеряться
в самом сердце
гор

ПОЦЕЛУЙ ВЕДЬМЫ

ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ ПРОКЛЯТИЯ

Екатерина Шрейбер

Поцелуй ведьмы

<https://litres.ru/73848974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Убегая от проблем в личной жизни, Аня приезжает на затерянную в горах Алтая ферму. Здесь ей предстоит встретить свою любовь, заглянуть в глаза смерти и принять самое важное решение. Сможет ли она быть вместе с мужчиной, который добровольно поселился вдали от цивилизации и ничего не рассказывает о своём прошлом? Ведь им мешают не только различия в характерах, но и загадочная алтайская красавица, обладающая необъяснимой разрушительной силой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ферма «Горный ручей»	7
Глава 2. Другое солнце	15
Глава 3. Земляничная поляна	26
Глава 4. Отшельники	38
Глава 5. Кара	50
Глава 6. Незнакомец	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Екатерина Шрейбер

Поцелуй ведьмы

Пролог

«Когда-нибудь я стану весёлой и сумасшедшей старухой с ярко-рыжими волосами и огромными серёжками в ушах. Буду скакать на лошади, не щадя свои больные кости, и собирать жёлтые ароматные груши в собственном саду. Читать книги без спешки и смотреть, как каждый день солнце садится за ближайшую гору. Пить по вечерам вино и вставать по утрам тогда, когда хочется. Я уже не буду никому ничего должна и потеряю многое: молодость, красоту, силу, друзей. Не останется времени на ерунду: волнения, суету, злость, ревность, чужое мнение. Я научусь сильнее ценить то, что имею: дом, время и саму себя.

Летом ко мне будут приезжать дети и внуки. Они расскажут мне, как живут в своём большом мире, что носят и на что смотрят, что едят в кафе и какой нынче пьют кофе. А я буду тихо посмеиваться над их желанием всё успеть в этой жизни. И мы будем вспоминать времена, когда жили все вместе, и обсуждать будущее, их будущее, конечно.

Я разложу свои воспоминания, как драгоценные камни, по шкатулкам и стану перебирать их, любуясь цветом, про-

зрачностью и формой. Возможно, однажды я забуду, что делала утром, но буду помнить то, что случилось пятьдесят лет назад.

Я не думаю о болячках, одиночестве или деньгах. Сохранить вкус к простым радостям — еде, общению, творчеству, природе — вот всё, чего я хочу. И конечно, мне видится рядом мужчина, который к своим семидесяти годам станет просто невыносимым стариканом, но останется родным и любимым. Потому что столько прожито вместе, и потому что ни он, ни я не будем жалеть ни об одном из этих дней. Что бы ни было раньше, мы остались вместе. Нас держит то, что родилось задолго до наших детей и осталось с нами, когда те выросли и разъехались. Это что-то умрёт только вместе с нами — тихое, сокровенное и очень сильное.

Я боюсь смерти. Но мне хочется думать, что она не придёт внезапно, и я успею подготовиться. Возможно, устав идти вперёд, я испытаю что-то вроде предвкушения невесомости, покоя и свободы.

Я хорошо представляю себя в старости. Вижу, где, как и с кем мне хотелось бы её встретить. А что сейчас?

Я только что разругалась с мужчиной, за которого через месяц собиралась выйти замуж. Не знаю, как дальше жить и какие строить планы. Возможно, ответы мне даст дорога и то место, куда я собираюсь».

Аня поставила точку в конце строки, сложила вчетверо мелко исписанный лист и засунула его в задний карман

джинсов. За окном уже рассвело, пора было ехать.

Глава 1. Ферма «Горный ручей»

Алтайские горы становились всё выше. Сначала они показались на горизонте туманной возвышенностью, потом превратились в зелёные пологие холмы, а вскоре уже нависали над дорогой, пугая скалистыми выступами.

— Я не плачу, не плачу, не плачу, — затараторила Аня, чувствуя, как глаза заволокло пеленой, а горло сжалось от подступающих рыданий.

Пришлось съехать на обочину и остановиться.

Она продолжала впиваться холодными пальцами в руль и смотреть прямо перед собой, но слёзы уже всю заливали щёки, капали на грудь. Не в силах сопротивляться, Аня разревелась. Успокоившись, извела полпачки бумажных носовых платков, глотнула воды из бутылки и продолжила путь.

Она поняла, что на душе стало легче, когда начала замечать красоту за окном. В дороге притормозила ещё лишь дважды, сначала — чтобы залить полный бак бензина, потом — чтобы перекусить бутербродами и выпить кофе из термоса. Уже через несколько часов у Ани, не привыкшей к долгому вождению, заныла спина, а в ногах появилась слабость, но настроена она была решительно: оставить позади все неприятности и как можно быстрее добраться до пункта назначения.

Накрапывал дождь, но дорога была ровной, и золотистый

«платц» легко шёл вперёд. Вдоль обочин паслись овцы, сби-
вались в кучки, уставившись куда-то в землю, все разом, в
одну точку. Справа от трассы бежала река, то скрываясь за
разлапистыми елями, то показываясь во всей своей стреми-
тельной красе. Она была молочно-серой и с такого расстоя-
ния выглядела спокойной, мирной. По берегам расположи-
лись туристические базы, которые заманивали к себе яркими
вывесками. Аня попала на Алтай впервые в жизни, и пунк-
том её назначения было совсем другое место: вдалеке от ту-
ристов, ярмарок и базаров. Там, представляла она, живут
своей жизнью счастливые люди, пасут коров, ездят на лоша-
дях, делают мёд, ходят к шаманам и не ведают, что такое ин-
тернет.

Два перевала остались позади, на удивление маленькая
машинка справилась с ними без проблем, а за перевалами
исчез с горизонта памяти жаркий и пыльный Новосибирск,
растянувшийся по двум берегам широкой Оби город-милли-
онник, который всего сто с небольшим лет назад вырос среди
сибирской тайги. Десять часов — и ты оказываешься в дру-
гом мире: горизонт превращается из плоской линии в волно-
образную, дорога начинает чаще выдавать изгибы, спокой-
ные равнинные реки оборачиваются бурлящими потоками и
шумят на перекатах, а вдоль трассы стеной встаёт сосновый
лес.

Уже скоро появится нужный поворот, а за ним Аню ждёт
маленький гостевой домик и горячий ужин. Сегодня — толь-

ко спать. И завтра, до упора. Потом — гулять и дышать этим чистым и прозрачным, как родниковая вода, воздухом. А ещё нужно будет забраться на самую высокую гору и почувствовать себя птицей, летящей в небесах.

На повороте с трассы стоял простой фанерный указатель, на котором не слишком аккуратно было написано чёрной краской: «Ферма „Горный ручей“». «Хозяин, похоже, совсем деревенщина, не расстарался сделать более привлекательную вывеску», — подумала Аня. Она сверилась с навигатором и осторожно свернула на грунтовую дорогу, которая разрезала гористую местность и устремлялась сначала вверх, а потом вниз. До точки назначения оставалось еще десять километров. Минут через десять машина выскользнула в узкую долину, надёжно укрытую от посторонних глаз. По левой её стороне протекал быстрый ручей, который спускался с гор, чтобы влиться в Катунь, по правой — величественными стражами стояли огромные ели.

Когда «платц» наконец уткнулся в мощный деревянный забор, похожий на частокол из мультака про пиратов, Аня вышла из-за руля и вдохнула полной грудью. С непривычки всё тело затекло, голова слегка кружилась. Во влажном, густом и тёплом воздухе стоял запах хвои и трав. Солнце скрылось за облаками, и мир заиграл глубокими оттенками тёмно-зелёного. Что ждёт её там, за забором, было неизвестно. И вдруг она заметила сидящую буквально в метре огромную птицу. Тёмно-коричневое со светлыми пятнышками опере-

ние, короткий изогнутый клюв, круглые бусинки глаз. Коршун смотрел прямо на Аню без страха — внимательно и любопытно, то ли приветствуя, то ли предупреждая о чём-то. Она задержала дыхание. Никогда раньше ей не приходилось видеть этого хищника так близко.

— Привет, — прошептала она.

Птица раскрыла мощные крылья и плавно взметнулась вверх. Мелодичная трель «юрль-ююррль-ююрррль» пролетела по окрестностям, а Ане стало страшно и весело, как будто впереди её ждало самое большое приключение в жизни.

Она достала телефон, чтобы позвонить хозяину фермы, и с удивлением обнаружила всего одну палочку на индикаторе связи. Он долго не брал трубку, однако вскоре калитка открылась, и оттуда вышел мужчина. Темно-зелёные брюки, чёрная футболка. Давно не стриженный, но гладко выбритый. Его загорелое лицо не было ни приветливым, ни дружелюбным. Около сорока лет, прикинула Аня.

— Здравствуйте! Вы Дмитрий? Я Анна. Анна Золотарёва из Новосибирска. Я вам звонила по поводу аренды гостевого домика. На неделю, помните?

Наконец Дмитрий кивнул, открыл ворота и показал, куда поставить машину. Он сразу обозначил правила:

— Жить будете там. Все хозяйственные вопросы, включая завтрак, обед, ужин, уборку, стирку и баню, решать с Марьей Михалной. Она к вам сейчас зайдёт. Меня на месте почти не бывает, так что расчёт сразу. В домике не курить и гостей

не водить.

«Какой радушный приём!» — молча скривилась Аня и ответила:

— Я не курю, спасибо.

А затем поплелась в сторону гостевого дома, закинув за плечи увесистый рюкзак с вещами.

Территория фермы была огорожена лишь со стороны подъездной дороги. Где заканчивались владения Дмитрия, было непонятно. Аня успела увидеть несколько бревенчатых строений, очевидно, дом хозяина, баню и сарай. Дальше в просторных загонах содержались козы и овцы, а в маленькой конюшне — пара лошадей. Правую сторону фермы занимал аккуратно разделённый на прямоугольники огород.

Дом оказался сложенной из круглого бревна избой небольшого размера, внутри которой имелись прихожая, спальня и туалет. Запах свежего дерева проник в ноздри так легко и показался таким родным, как будто Аня всегда жила где-то в деревне. Она поставила рюкзак, разулась, села на аккуратно заправленную лоскутным покрывалом кровать. И это покрывало явно не было куплено в «Икее», а сшито умелой, трудолюбивой рукодельницей. Над изголовьем кровати висел ловец снов, украшенный бусинами причудливой формы бирюзового и жёлтого цветов, а также длинными разномастными перьями. Возможно, здесь Ане будут сниться вещи сны? Из большого окна напротив виднелись лужайка, дом хозяина и склон горы.

Через несколько минут в дверь постучали, и в комнату вошла женщина лет шестидесяти: невысокая, округлая, с расчёпанной короткой стрижкой. Она была одета в удобные рабочие брюки, ситцевую рубаху навыпуск и резиновые сапоги, покрытые рыжей летней пылью.

По манере общения Марья Михална оказалась полной противоположностью Дмитрия: бойкая, общительная, быстрая. Нетрудно было представить, как ловко она управляет-ся на кухне, в огороде, как душевно приветчает гостей. Женщина с улыбкой расспросила Аню, кто та, откуда, как добралась до них, какие имеет планы на ближайшее время, что предпочитает есть. Рассказала о том, какие порядки заведены в их хозяйстве, и пообещала познакомить с мужем — Петром Васильевичем. Её голос с ласковыми интонациями был негромким, убаюкивающим. И Аня замерла, слушая её. Благодать разлилась по телу, а по коже пробежали мурашки, ей казалось, что кто-то любя погладил её по голове.

Во время разговора на столе оказалась белая скатерть, корзинка со свежим хлебом, бутылъ кваса, варёные яйца, кусок домашней колбасы и овощи с огорода: маленькие хрустящие огурчики, ярко-красный редис.

— Спасибо вам огромное. Я после еды посплю часок, а потом пойду прогуляюсь.

— Давай-давай, Анята. Здесь вода-то холодная бежит из крана, вечером перед сном я тебя в баню позову, отмоешь грязь городскую. Отдыхай.

Когда Марья Михална закрыла за собой дверь, Ане показалось, что они знакомы уже полжизни.

С аппетитом поев, она легла на кровать и, прежде чем полностью расслабиться, прогнала из головы непрошено возникший образ худого бледного парня с мутными похмельными глазами.

Проснувшись к вечеру, Аня с удивлением уставилась в незнакомую деревянную стену, ожидая увидеть обои в полоску, которые каждый день лицезрела в своей комнате, а потом заметила в окне далёкий горный склон и почувствовала, как будто забыла сделать что-то важное. Но вот мысли прояснились, она с удовольствием потянулась и, слегка покачиваясь, вылезла из постели. Тело больше не ныло после долгой дороги, но голова всё ещё немного кружилась. Глотнула кваса, умылась холодной водой и, мельком глянув в зеркало, скорее, по привычке, чем ради необходимости, замерла. Ей показалось, что в лице что-то неуловимо изменилось.

Светло-карие глаза с едва заметными золотистыми крапинками и светлая кожа достались ей от мамы, и это было, пожалуй, единственным, что нравилось ей в своей внешности. Тёмно-каштановые с рыжеватым оттенком волосы, которые всегда неукротимо завивались, чуть вздёрнутый нос, острые плечи и колени — папино наследство — напротив, всегда вызывали у неё досаду. В свои двадцать восемь лет она казалась себе слишком худой, вечно лохматой и смешной, а хотелось быть Настоящей Женщиной, хотя, что имен-

но это значит, она не знала.

Однако сегодня её вполне устроило то, что показало зеркало.

— Даже морщинки разгладились... Волшебное место! — прошептала Аня своему отражению.

Она натянула джинсы и ветровку, взяла телефон и вышла из домика.

Глава 2. Другое солнце

Вечерняя прогулка стала продолжением сна. Она блуждала в новой и совершенно незнакомой реальности. Здесь светило другое солнце — ласковое, но всемогущее. От его воли зависело всё вокруг — не только настроение и внешний вид людей, как в городе, но и сама жизнь — растений, животных, всех обитателей фермы. Казалось, чтобы дотянуться до вершины горы, достаточно оттолкнуться от земли и взлететь вверх. Хотелось лечь на склоне, смотреть в гаснущее небо и ни о чём не думать. Мысли о прошлом испарились, как и плохое настроение, а с ними всё, что осталось дома.

Тёплый оранжевый свет окрасил землю. Близился закат. Аня просто шагала вперёд, касалась рукой метёлок ковыля, смотрела на неизвестные жёлтые цветочки, дышала, слушала, впитывала. Её наполняла энергия, спокойный, чистый и ровный поток проходил через каждую клеточку тела. Какое счастье, что она решилась на эту импульсивную поездку!

Слова «русская баня», а особенно «настоящая русская баня, у-у-ух!», вызывали у Ани скрытую дрожь. Вспоминалось детство, дача, на которую нужно было ехать сначала час на автобусе, потом сорок минут на электричке, потом двадцать минут идти до домика по полю и мосту через речку. По субботам топили баню, и дед учил: сначала нужно собрать в лесочке крапиву и лопух, потом натаскать ведрами ледяной во-

ды из колонки, вылить её в ржавый металлический бак над печкой, засунуть в нижний отсек дрова и старые газеты, а затем поджечь. Когда вода станет горячей, в бак нужно аккуратно, чтобы не обжечься, засунуть собранные в лесу травы. Аня помнила, как выбегала в огород, чтобы посмотреть на дымок из трубы: топится — не топится, и начинала ожидать страшного. «Ну можно, я последняя пойду? Ну жарко же!..» Нет, всё лучшее — детям, поэтому в баню приходилось идти сразу, жмуриться от жара и стойко сносить все невзгоды: кипяток в тазике, жёсткую мочалку и мыло, попавшее в глаза.

Во взрослой жизни Аня в русской бане бывала крайне редко, чаще её с подружками заносило куда-нибудь в финскую сауну или турецкий хаммам с кожаными диванами и джакузи. Но здесь, на ферме, ни ванны, ни душа не имелось, поэтому, если хочешь быть чистой, придётся избавляться от собственных страхов. Так, вооружившись мягким от кондиционера полотенцем и пузырьком с гелем «всё в одном», она открыла скрипнувшую дверь и шагнула на порог.

Раздевшись и робко пробравшись в парилку, Аня села на край деревянного полка. Сначала жар ударил в лицо и обжёг кожу, потом плавно растёкся по телу.

— Аня, заходи к нам после бани чай пить! — крикнула через окошко Марья Михална.

С удовольствием помывшись, Аня вылила на себя тазик холодной воды, вскрикнув от неожиданного, но приятного ощущения, полоснувшего по всей коже, насухо вытерлась,

надела чистую футболку и спортивные штаны и вышла на улицу. Воздух был сладким и живительным, он наполнял тело лёгкостью, а душу счастьем. Она широко улыбнулась и вдохнула полной грудью. Хорошо-то как!

В доме Марьи Михалны всё было, как в простой деревенской избе, и только самовара с сушками не хватало на накрытом толстой клеёнкой в цветочек столе. Женщина поставила перед Аней большую кружку чёрного чая с листьями смородины. Пётр Васильевич, мужичок в клетчатой фланелевой рубаше, оказался ниже и меньше своей жены. Коротко поздоровавшись, он удалился в соседнюю комнату. Интересы у него новая постоялица вызвала явно не больше, чем воробей во дворе. Однако Аня успела заметить, что он совсем не похож на свою шуструю жену: двигался не спеша, словно экономя силы, очевидно, был немногословен и скуп на эмоции. Аня слегка усмехнулась и подумала, что у неё ещё будет возможность познакомиться с ним поближе.

С Марьей Михалной они поболтали о жизни в городе, о туристах, о погоде. А потом Аня спросила, не успев подумав:

— А про Дмитрия мне расскажете? Что он за человек?

Женщина её вопросам была только рада, поговорить она, видно, любила, и все её речи были какими-то лёгкими и светлыми, даже если касались грустных или неприятных вещей.

— Димочку, ну, то есть Дмитрия Сергеича, я увидела первый раз лет десять назад на пороге своей хаты. Адашка, со-

седка, его из магазина привела. Она там продавщицей работает. Сказала, что вот, мол, городской ищет себе помощников по хозяйству. А мы с Петей тогда совсем одни остались. За полгода до этого сынок наш на грузовике разбился на перевале. А Дмитрий Сергеич, серьёзный такой, бледный, но смешной почему-то, потолкался у порога и говорит: я, мол, землю купил тут в горах, километрах в пятнадцати, буду коз и овец разводить. Мне помощники нужны — семейная пара. Вы — чтобы по хозяйству там: поесть приготовить, убрать, огород посадить, соленья-варенья, а муж ваш со скотом да стройкой помогал мне. Обещал жильё, харчи и прибавку к пенсии. Мы и согласились. А знаешь почему? Жалко нам его стало. Он такой был весь: острый, ершистый, нервный, а в глазах — тоска. Понятно, думаю, занесла нелёгкая в наши края, душу подлечить захотел да руки делом занять, но ведь пропадёт один. У нас тут не курорт, знаешь ли. Горы кого хошь в бараний рог согнут. И хоть понятно было, что он ничего не умеет ещё, но какой-то стержень в нём чувствовался сразу.

Вот, значит, и подались мы вместе. Петя мой не возражал. Ему ещё хлеще, чем мне, было, всё равно, где и как жить. Дом продали за копейки. Теперь тут живём. И семья у нас снова есть. Только Сергеичу — ни-ни! Он хоть как с родными с нами, всё равно сам по себе.

— А почему он приехал сюда? И откуда?

Марья Михална впервые за время их знакомства взгляну-

ла на Аню хмуро и замешкалась. Поднялась, убрала пустую чашку со стола. И только потом ответила, но голос её стал суше и холоднее.

— Раньше Димочка жил в Новосибирске, как и ты. Занимался каким-то бизнесом. Но, если честно, он не любит об этом говорить. Так что даже я не знаю толком, что там у него произошло. Времена всякие бывали, а в большом городе — больше бед. Одно скажу: несладко ему там пришлось, раз он в одиночку сюда явился. Ни семьи, ни вещей... Ничего. Человек он хороший, это как пить дать, а от чего бежал — Бог знает. Не нашего ума, видать, дело.

— Мать, ты помолчала бы хоть маленько! — услышала не громкий, но грозный голос Аня. Это Пётр Васильич прошёл мимо к двери, сминая папироску.

Марья Михална сразу сделала постное лицо, но, когда он вышел наружу, скорчила недовольную гримасу и подмигнула Ане.

Напившись чаю, Аня тепло поблагодарила Марью Михалну, попрощалась и отправилась к себе.

Неожиданно опустившаяся на землю ночь заставила Аню замереть на тропинке, ведущей к домику. В воздухе стояла невероятная, оглушающая тишина, и только несколько секунд спустя она стала различать, насколько всё вокруг наполнено звуками. Вдали шумел ручей, в траве стрекотали кузнечики, то замолкая, то перекрикивая друг друга на разные лады, а где-то в стороне лёгкие порывы ветра нежно шеле-

стели ветвями деревьев.

Рядом с домом хозяина горел костёр. Аня, не зная зачем, шагнула в сторону огня, тихонько, чтобы не нарушить окружающий покой. Чуть приблизившись, она увидела, что перед костром сидел Дмитрий. Один. Лишь чёрный пёс мирно лежал у его ног.

Аня остановилась и всмотрелась в профиль хозяина фермы. Он откинулся на спинку раскладного стула, держа в руке металлическую кружку. Долго и неподвижно смотрел на огонь, потом подался вперёд, склонил голову и устало провёл рукой по лицу. Аня замерла, боясь подойти ближе, но в этот миг пёс поднял голову и глухо зарычал в её сторону.

— Шмель, фу! — скомандовал Дмитрий, обернувшись на звук.

— Простите, это я, — вымолвила Аня и подошла к костру. — Не хотела вас беспокоить. Я просто шла к своему домику.

— Заблудились в темноте? — спросил Дмитрий и посмотрел на неё с усмешкой. — Присаживайтесь, если хотите.

Отказываться было неудобно, и Аня села напротив на гладкое толстое бревно, лежащее на земле. Несколько минут смотрела не мигая на огонь.

— Оказывается, я сто лет не видела живого огня. Так странно...

— Хотите выпить?

Аня помедлила. Стоит ли пить с незнакомым мужчиной? Потом подумала, что она у него в гостях и, захоти он сделать

что-то плохое, алкоголь для этого не понадобится.

— Ну если только чуть-чуть.

Дмитрий сходил в дом за ещё одной кружкой, плеснул в обе какую-то жидкость из тёмной бутылки и протянул одну Ане. Это оказался коньяк. Его аромат и крепость моментально ударили в ноздри, а первый же маленький глоток обжёг горло. Они долго сидели молча, и эта тишина почему-то не разъединяла их — таких разных и совершенно незнакомых людей. Аня расслабилась, и всё вокруг показалось ей правильным и спокойным. А ещё на неё напало любопытство. Как можно незаметнее она старалась разглядеть Дмитрия.

Его лицо с глубокими складками вдоль рта, крепким подбородком было неподвижно, и только в светлых глазах, цвет которых в ночи было трудно определить, плясали отблески огня, делая их живыми и яркими. Его внешность нельзя было назвать ни запоминающейся, ни даже приятной. Но в ней было что-то притягательное.

— Зачем вы сюда приехали? — вдруг спросил он.

Аня растерялась.

— Обычно ко мне приезжают семьи с маленькими детьми, влюблённые парочки, заядлые рыбаки или любители крепко выпить на природе. Но одинокая девушка?.. Вы фотограф или журналист?

— Нет, я переводчик. А приехала сюда случайно, рассталась с женихом на пороге ЗАГСа — и решила сбежать подальше от всего.

Аня прикусила губу. Зачем она это сказала? Слова вырвались из неё, минуя разум. Конечно, виноват был коньяк — та ещё сыворотка правды.

— Измена?

— Нет-нет! Он просто... просто передумал.

— А вам очень хочется замуж?

Аня опешила.

— Мы вместе уже пять лет. Вроде как нужно что-то решать. Создавать семью или расходиться.

— Вроде как. Понятно. Ну, возможно, короткая разлука поможет вам понять, чего вы хотите. Вернётесь, помиритесь, поженитесь. Значит, на Алтае вы в первый раз?

— Да. Даже странно, все друзья-знакомые тут побывали, и не по одному разу, а мы вот так и не собрались.

— То есть никакого опыта загородной жизни и тем более походного-туристического у вас нет? Не хочу пугать, но предупредить должен. Тут может быть опасно. Горные реки, дикие звери, малолюдная местность, крутые подъёмы... В общем, не уходите с территории фермы.

— Спасибо. Я постараюсь. А вы? Вы ведь переехали из Новосибирска? Тяжело было освоиться?

— И да, и нет. Я ничего не знал и не умел поначалу, но мне помогли люди, которых я встретил здесь. Впрочем, выбора всё равно не оставалось. Возвращаться было некуда.

Аня вопросительно подняла бровь. Он долго молчал, а потом, видимо, решил, что ей это действительно интересно.

— Я сжёг мосты, перестал общаться с теми, кого называл друзьями, коллегами, семьёй. Решил, что или выдержу это испытание, или пропаду, но в прошлое не вернусь. В каком-то смысле я освоился, но своим не стал. Я пасу овец в этих горах. Развожу коз. Езжу на лошади. Но делаю это не так, как местные. Алтайцы дышали этим воздухом тысячи лет, пили эту воду, жили на этой земле. То, что есть у них в крови, не способны изменить ни политика, ни образование, ни технический прогресс. Все эти годы я учусь у местных: обращаться с животными, ухаживать за землёй, задабривать духов, не бояться смерти, но помнить о судьбе. Нанимаю их на работу, веду с ними дела, с некоторыми даже дружу, но мне никогда не стать одним из них. Я чужак. И вопрос остаётся без ответа...

— Вопрос?

— Достаточно ли просто относиться ко всему вокруг с уважением и заботой, трудиться, жить в гармонии с миром, чтобы найти своё место, или необходимо родиться на этой земле?

— Вы хотите знать, можно ли быть счастливым вдали от родины?

— Пожалуй. Но моя родина — она где? Я и сам не знаю.

В ночной тишине было слышно лишь потрескивание веток в костре да еле различимый шум ручья. Аня не знала, что сказать. Мысли разлетались в стороны, хотелось дать собеседнику мудрый ответ и утешить. Но как? Она сама осталась

одна, металась из стороны в сторону, пытаюсь найти свой путь, и окончательно запуталась. Какой из неё советчик?

— Я бы хотела покататься на лошади, — вот и всё, что придумала Аня, чтобы разрядить обстановку.

— В седле держаться умеете?

— Не очень, всего пару раз сидела верхом.

— Хорошо. Завтра в десять часов подходите сюда, и я прокачу вас... с ветерком. — Дмитрий улыбнулся, а Аня вздрогнула, как от удара током. Опять коньяк, подумала она, и заторопилась к себе.

— Спокойной ночи. Спасибо за угощение. До завтра.

— Тропинка вот здесь, — с лёгкой ухмылкой показал Дмитрий.

На ватных ногах и с лёгким головокружением Аня двинулась в сторону своего домика. О, скорей бы добраться до постели!

По телу разливалось, прогоняя усталость, блаженное тепло, но сон не шёл. Возбуждение покалывало кожу сотнями крошечных тонких иголок: под волосами на голове, на подушечках пальцев, внизу живота. Как сумела она всё бросить и умчаться на край света, вот так, по-настоящему, пусть и ненадолго изменив свою жизнь? О возвращении домой не хотелось и думать, но вопросы крутились в голове, как чёртово колесо, повторяясь снова и снова: что делать с Лёшей; как быть с работой; поймут ли Лена с Максом; а может, помириться?

Когда Аня закрыла глаза, она увидела дорогу, бегущую вперёд, горы, подпирающие небо, и серые глаза на лице, словно вырезанном из гладкого дерева, смотрящие на неё в упор. А чего хочешь ты сама?

Глава 3. Земляничная поляна

Утром Аня проснулась непривычно рано. Комнату заливал мягкий золотистый свет, а воздух пах деревом, травами и свежестью. Бодро вскочив с кровати, она умылась и взяла в руки телефон. Связь была дрянная, но пропущенных звонков и сообщений не было.

«Как же хорошо быть никому не нужной!» Она сама удивилась промелькнувшей мысли. И вспомнила про Лёшу. Ещё вчера она рыдала от обиды и унижения, злилась на него, на саму себя, на весь мир, а сегодня Лёша превратился в далёкую расплывчатую фигуру. Мужчина, с которым она прожила в одной квартире пять лет, рядом с которым засыпала каждую ночь и просыпалась каждое утро, стал другим, отдельным существом, которое непонятным, но наверняка прекрасным образом функционирует на расстоянии в шестьсот километров. И Анины мысли сейчас заняты не тем, что он думает и чувствует, чем питается и где спит, а новыми впечатлениями, новыми людьми.

Она постоянно изводила себя вопросом: «А любовь ли это?» — выкладывала на чаши весов жизнь с Лёшей и воображаемое бытие без него. Сначала всё шло, как положено: дрожь в коленках, бурный секс, уколы ревности, потом успокоилось, но было ли ей с этим человеком по-настоящему хорошо? Хотелось ли воспитывать с ним детей, встретить ста-

рость, утешать в трудные минуты? Верила ли она в него так, что сам дьявол не смог бы поселить сомнение в душу, хотела ли так, чтобы никогда не взглянуть на другого мужчину?

Аня не знала. И тогда, взглянув в окно, пообещала себе: если через неделю заскучает по Лёшиному смеху, лицу, запаху, захочет крепко обнять, покрыть поцелуями, то простит и забудет всё плохое. Как поступала много раз до этого. А если нет...

Задумчивость Ани прервал стук в дверь. Зашла Марья Михална и за приветливым разговором выложила на стол завтрак: миску с горячей рисовой кашей, воздушный хлеб, кусок домашнего сыра и маленький термос с кофе.

— На лошадке собрались покататься? Это правильно. Дима уже готовит Серёгу, — улыбнулась она.

— Серёгу? — переспросила Аня.

Через пятнадцать минут она стояла рядом с гнедым конём с белым пятном на лбу, напоминающим букву «С», благодаря которому он и получил своё имя. На прогулку Аня надела старые узкие джинсы, свободную белую футболку и босоножки на плоской подошве, волосы собрала в хвост и нацепила бейсболку.

Дмитрий выглядел как накануне: в удобных брюках защитного цвета, такой же куртке, чёрной футболке и крепких ботинках. Он оценивающе взглянул на Аню и едва заметно ухмыльнулся.

— Если бы мы пошли в горы в настоящий поход, я бы

заставил вас сразу же снять эти штанишки, — сказал он.

Когда до Ани дошла двусмысленность фразы, она округлила глаза и губы.

— И не надейтесь, я совсем не это имел в виду, — рассмеялся Дмитрий.

Стоя сбоку от Серёги, мужчина ласково похлопал его по лоснящейся спине.

— Готовы? Идите сюда. Стойте слева, повернитесь назад. Вам нужно крепко ухватиться левой рукой за гриву и вставить левую ногу в стремя. Потом быстро оттолкнуться, подтянуться и перекинуть правую ногу через круп. Очень просто. Так, так, спокойнее... давайте! — скомандовал он.

Аня рванулась вверх, и сильные руки Дмитрия, одновременно страхуя и направляя, переместили её в седло. Она широко улыбнулась, стараясь скрыть волнение от собственной лихости. Дима же подтянул стремена и вручил ей в руки повод, а сам моментально оседлал стоявшую поодаль лошадь. Дав короткую инструкцию, он медленно направился в сторону открытых ворот. Серёга послушно двинулся следом.

В седле Аня так сильно сжимала ногами бока коня и впибалась руками в поводья, что скоро её мышцы заныли. А когда Серёга легко перепрыгнул через маленькую канавку, она вскрикнула от ужаса. Однако уже через десять-пятнадцать минут немного расслабилась и приспособилась к движению лошади.

Теперь можно было не только любоваться окружающими

красотами, но и получше рассмотреть своего спутника. Чёрная футболка отлично подчёркивала его широкие плечи, рельефные мышцы рук, загорелую кожу. Он не был похож на городских мальчиков, проводящих дни в тренажёрных залах. Это был совершенно другой тип внешности. Дмитрий выглядел таким, каким его сделала жизнь: физическая работа, простая пища, свежий воздух, горячее солнце. Сейчас, находясь в хорошо знакомой стихии, он легонько улыбался каким-то своим мыслям, но не выпускал из поля зрения неумелую наездницу.

Между тем всадники пересекли дорогу, спустились к реке и поехали вдоль берега. По пути Дмитрий провёл небольшую экскурсию по окрестностям: рассказал, где пасётся скот, что растёт на огороде, какую рыбу можно поймать в ручье и речке, как добраться до деревни.

Ферма «Горный ручей» находилась в двенадцати километрах от ближайшего населённого пункта, где была школа, совмещённая с детским садом, фельдшерский пункт, автозаправка, несколько магазинов с продуктами и хозяйственными товарами. Удалённость была и плюсом, и минусом. Нужно было самостоятельно расчищать дорогу зимой и по весне — для этого Дима вызывал знакомого тракториста. В чрезвычайной ситуации надеяться приходилось только на себя: на ферме всегда хранился полноценный запас лекарств и средств первой помощи. В крайнем случае можно было доехать до больницы или вызвать скорую, но пока что обходилось без этого.

Огород в тридцать соток обеспечивал овощами всех жителей фермы: и людей, и животных. Летом овцы, коровы, козы и лошади щипали траву на обширных пастбищах выше по склону, зимой — питались заготовленным сеном.

Отрезанность от мира дарила покой — никто не заходил на ферму случайно; проезжая мимо, с корыстным или пустым интересом, никто не нарушал заведённого распорядка и не устраивал неприятностей; никто не мог без ведома хозяина проникнуть на территорию и остаться незамеченным.

Непросто троим обитателям «Горного ручья» было содержать такое хозяйство, но за годы работы вместе они сумели чётко распределить обязанности и действовать по отлаженной схеме. В самые горячие месяцы Дима нанимал рабочих из деревни. Всё шло своим чередом, да и что могло случиться здесь, куда не доставали ни плохие новости, ни мировые катаклизмы?

— Выходных у меня не бывает, но на рыбалку я себе позволяю сходить. Так что ждите малосольного хариуса. Ручаюсь, вы такого ещё не ели! — пообещал Дима, и Аня убедилась, что сегодня у него определённо хорошее настроение.

Незаметно они выехали на просторный луг. Аня даже привстала в седле и ахнула от охватившего её восторга: вся земля была усыпана жёлтыми и фиолетовыми цветами.

— Весной здесь цветут фиолетовые лепестки кандыка, похожего на маленькую лилию, он, кстати, внесён в Красную книгу, а в июне всё горит оранжевыми шариками кюнкельды

— огоньками. Я смотрю на эту красоту каждый год, и иногда бывает жаль, что не с кем этим поделиться.

— Вы можете фотографировать. И выкладывать в интернет.

— Это скорее по вашей части. Мне есть чем заняться, — рассмеялся Дима.

Под одиноко стоящей шарообразной сосной они сделали остановку, и Аня с облегчением выпрыгнула из седла.

— У вас неплохо получается. Только старайтесь не напрягать понапрасну мышцы, иначе завтра не сможете ходить, — посоветовал он, протягивая бутылку воды.

После того как она утолила жажду, Дима махнул рукой в сторону.

— Пойдёмте, я кое-что покажу.

Отойдя от сосны и миновав поросль молодых берёзок, они вышли на укромную полянку. Трава на ней была совсем короткой и очень мягкой. Аня сбросила босоножки и прошлась по ней голыми ступнями.

— О, это божественно! — протянула она.

Дмитрий искоса взглянул на неё и сказал:

— Посмотрите вниз.

Чуть пригнувшись, Аня обнаружила в траве несметное количество мелких красных ягод.

— Земляника!

Ягоды показывались из травы повсюду, насколько хватало взгляда.

— Да это же настоящая земляничная поляна! — воскликнула она.

Дмитрий улыбнулся.

— Ешьте, сколько душе угодно. Кроме коров, тут мало кто бывает. И да, внимательно смотрите под ноги: лепёшки на каждом шагу.

Аня рассмеялась и начала отправлять в рот ягоды одну за другой.

Когда они вернулись к лошадям и уселись на мягкий мох, Аня мечтательно произнесла:

— Настоящий рай!

— Горы — дело такое. Если они попали в сердце, то уже никуда оттуда не денутся. Я иногда встаю до рассвета, забираюсь повыше и встречаю солнце... Знаете, вот этот момент, когда склоны начинают розоветь, из чёрно-белых превращаются в цветные, он ведь короткий совсем, но его хватает, чтобы всё плохое забыть и душу вылечить.

— Да вы романтик! Я бы тоже так хотела, а ещё лучше остаться здесь насовсем...

— Сколько раз я слышал такие слова. Но мало у кого доходит до дела. Конечно, я знаю нескольких людей, кто переехал на Алтай из Новосибирска, даже Москвы. Кто-то приехал, осознанно выбрав жизнь в деревне. Кто-то, просто однажды увидев Алтай, влюбился в него с первого взгляда. Кто-то следовал своим снам. Кто-то получил в наследство старенький домик. У каждого — свои причины и своя судьба, но легко

не было никому, — заметил Дмитрий.

— Я бы смогла, — уверенно заявила Аня.

— Это вряд ли.

Неприятный холодок пробежал по коже.

— В смысле?

— Знаете, сколько я повидал мечтателей и фантазёров, тех, кто готов болтать языком, но не готов работать руками? Вы на себя в зеркало давно смотрели? Вы считаете реально-стью уютную квартиру, полный холодильник еды и зарплату два раза в месяц на карточку. Любите порассуждать о том, чего не знаете. Вернётесь домой, раскидаете красивые фоточки по соцсетям и будете с гордостью рассказывать друзьям, как провели время в горной глуши. Для вас это просто приключение.

Аня вскочила на ноги от злости. Вот хам! Да что он себе возомнил, этот мужик, у которого сапоги по колено в навозе!

— Вы же ничего обо мне не знаете! Как так можно? Кем вы себя считаете? Мудрецом, что ли? Я вам плачу деньги не за это!

Она не заметила, как потемнело его лицо и сжались челюсти, потому что уже не помня себя запрыгивала на лошадь. Как ни странно, Ане это удалось с первой попытки, но Серёга стоял как вкопанный. И только когда Дмитрий оседлал своего коня и направился вперёд, тот двинулся следом.

Обратная дорога превратилась в ад. Дима, словно желая проучить её, припустил лёгкой рысью. Она же, вскрикнув

от неожиданного скачка Серёги, со всей дури ухватила за гриву и начала молиться, чтобы не выпасть из седла.

У дома, спрыгнув с коня, Аня чуть не упала на землю, не рассчитав, как сильно подкосились ноги.

— Вы специально это сделали! Что вы за человек! — выкрикнула она и быстро, как только могла, поспешила в сторону своего жилища.

Остаток дня для Ани оказался несладким. Её мучило чувство вины и собственной глупости. Нужно было извиниться. «И чего он вспылil на ровном месте? А я? Деньгами его попрекнула!» — то злясь, то стыдясь, рассуждала она. Но Дмитрий уехал с фермы сразу после прогулки. Только за ужином Марья Михална сообщила Ане, что хозяин вернулся домой. Сердце ёкнуло. С трудом прожевав последний кусочек хлеба, она вышла на улицу.

Солнце медленно садилось за гору на уже знакомом месте, когда Аня тронула рукой ветку ели, растущей у гостевого дома, и нерешительно зашагала по тропике вперёд. Оказавшись у хозяйской двери, она ненадолго замешкалась. «Как провинившаяся школьница, ей-богу!» — недовольно буркнула и постучала.

Дмитрий открыл дверь и жестом пригласил войти. Ане показалось, что в его глазах промелькнула смешинка. Не злится, ура! Шагнула за порог и осмотрелась. Обшитые светлым деревом стены освещала неяркая жёлтая лампа, небольшое помещение служило одновременно прихожей и кухней. На

газовой плите в сковородке тихонько шипела и аппетитно пахла жарящаяся с луком картошка.

— А я думала, вам Марья Михална готовит, — ляпнула Аня, чтобы хоть что-то сказать.

— Не всегда. Картошку я и сам могу пожарить.

— Я хочу извиниться. — Аня заставила себя посмотреть ему в глаза. — Я вспылила и наговорила глупостей. Мне правда стыдно.

Дима улыбнулся, и его серые глаза — теперь Аня поняла, что они серые, — посветлели.

— Я тоже был хорош. Давайте не будем портить ваш отпуск. Вы поужинали?

Она кивнула.

— Тогда пойдёмте, я вас чаем угощу.

Аня вздохнула с облегчением и села за стол. Пока Дмитрий поёдал картошку — быстро, но с явным удовольствием, она прихлёбывала горячий травяной чай и рассказывала, как у неё дома поселилась кошка Мирка. Однажды утром, выходя из квартиры, Аня обнаружила в подъезде, прямо у своей двери, маленького пушистого котёнка: белого с серыми тигриными полосками. Два дня она выносила ему еду и воду, гладила, умиляясь умению громко и ласково мурчать, а на третий поняла, что никто из жильцов не признаёт подброшенную животинку своей и не торопится забрать домой. Так что Аня решила приютить котёнка. Лечила от паразитов, стерилизовала, прививала, и вскоре Мирка выросла в огром-

ную холёную добродушную кошку, без которой уже невозможно было представить Анину квартиру.

Дима в ответ поведал историю Шмеля и Серёги.

Шмелю было суждено прожить коротенькую жизнь и замерзнуть в сугробе на окраине маленькой алтайской деревушки, если бы в тот морозный день рядом не оказалось человека. Он услышал тихий жалобный писк, уже собираясь сесть за руль автомобиля, пошёл на звук и извлёк из-под снега маленького чёрного щенка.

Пёс настолько промёрз, что не мог двигать лапами. Дима засунул его за пазуху и увёз домой. Отогрел, напоил, накормил. С удивлением обнаружил, что пёс абсолютно здоров. Немного привыкнув к новой обстановке, тот стал носиться по комнатам как угорелый, заливисто лаять и проявлять интерес ко всему, что можно погрызть и укусить.

— Вот такой он был, — отмерил Дима на столе ладонями расстояние сантиметров в тридцать и ласково добавил: — А сейчас вымахал, зверюга!

Пёс получил кличку Шмель за беспокойный нрав и окрас — чёрный с рыжими пятнами. Повзрослев, стал серьёзным и матёрым кобелём, навеки преданным своему спасителю и хозяину и суровым к чужим. Шмелю повезло ещё в одном: Дима не посадил его на цепь, а сделал своим охранником, спутником и помощником. Собака отлично поддалась тренировке, более того, неведомо откуда в этом беспородном найдёныше открылись пастушьи таланты, и то, как он умело

гонял овец и коз, вызывало у Дмитрия настоящую гордость.

Аня улыбалась, глядя, как собеседник из сурового немногословного мужика превращается в увлечённого рассказчика и с ностальгией делится воспоминаниями. Ей хотелось слушать его, смотреть на него.

— А Серёгу мне подарил Мамай, — продолжал он.

— Мамай? — хохотнула Аня.

— Друг. Тут целая история...

В этот момент раздался стук в дверь.

Глава 4. Отшельники

В ответ на приглашение хозяина войти в прихожей, вынырнув из уличной темноты, появилась высокая, стройная женщина. Она на мгновение замерла, увидев Аню, и остановила на ней пристальный, но равнодушный взгляд. Ни удивления, ни интереса, ни приветливости не проскользнуло в нём. Затем повернулась к Дмитрию и улыбнулась красивыми сочными губами.

— Привет, сокол.

Дима кивнул — скорее вежливо, чем радостно. Он представил женщин друг другу:

— Кара, это Анна — моя постоляница. Анна, это Кара — моя... приятельница.

Аня заметила, как от этих слов саркастично изогнулась бровь «приятельницы».

Кара непринуждённо присела к столу. Её лицо было обращено к Диме, но Аня сумела рассмотреть нежную, чуть смуглую кожу, большие тёмные глаза миндалевидной формы, широкие ухоженные брови, две длинных иссиня-чёрных косы, переброшенные на грудь. Простое летнее платье, совсем закрытое для столь жаркой погоды, сидело на ней, как королевский наряд. Она напомнила Ане породистую кобылицу, за холёной внешностью которой скрывался необузданный нрав. Очевидно, она была из местных и не в первый раз

приходила в гости в Диме. Совсем не так представляла себе Аня деревенских девушек. Она заёрзала на стуле, придумывая предлог, чтобы откланяться.

Кара больше не взглянула на Аню, ибо всё её внимание было обращено к Дмитрию.

— Я тебе документы привезла. Забыл, что ли? Нужно всё посмотреть и подписать. Угостишь чаем? — улыбалась она.

Мужчина согласно кивнул и пошёл заваривать новую порцию чая. Аня встала с места и замерла, как прибитая к полу гвоздями.

Кара всё так же сидела за столом напротив, откинувшись на спинку стула, но взгляд её изменился до неузнаваемости. Из тёмных глаз струилась ненависть, способная убить на месте. Маленькие пухлые губы, чуть дрогнув и изогнувшись, шёпотом произнесли какую-то фразу. Аня не поняла смысла, но сила, которая была вложена в этот шёпот, чуть не сбила её с ног.

Аня попятилась к двери, больно ударилась локтем о стеллаж с посудой и услышала, как жалобно звякнули тарелки. Через секунду она уже оказалась на улице.

На тропинке Аня столкнулась с Марьей Михалной.

— О, ты от Димы? — спросила женщина и, не дожидаясь ответа, с улыбкой продолжила: — Как хорошо, что вы нашли общий язык. Ему полезно пообщаться с кем-то из своего круга.

— Кто такая Кара? — выпалила Аня.

Улыбка спорхнула с лица Марьи Михалны, будто её и не было.

— Явилась, что ли? Ох, не к добру это... Из деревни она, дочка местного спекулянта. Баба хоть и молодая, но свое-нравная и настырная. А как вдовой стала да наследство мужнино получила, так вообще никто ей не указ. Положила вот глаз на Димочку — беда. Какая из них пара? Ему хорошая девушка нужна, а не эта змеюка.

— Змеюка?

— Так ведь... дело тут тёмное. Сплетни это всё, не слушай ты меня. Просто не нравится она мне, ох, не нравится! У Димы дела с её отцом, вот и встречаются они иногда. Да сама Кара в гости повадилась. Хитрости у неё порядком, того и гляди согрешит наш Димочка. Тьфу-тьфу-тьфу! Всё, пошла, загляну ненароком, может, спугну змеюку... Прости, Господи!

И Марья Михална решительно направилась к дому хозяина. Аня испугалась за женщину, но останавливать не стала. Пожалуй, та вооружена против Кары гораздо лучше, чем кажется на первый взгляд. Надо идти спать.

Ночью Ане приснился кошмар. Она стояла на берегу небольшой быстрой речки и смотрела, как бежит по камням прозрачная, блестящая на солнце вода. Всё вроде бы было хорошо, но она чувствовала за спиной опасность.

Что-то страшное и невидимое надвигалось на неё сзади. Обернуться она не могла, и паническое желание убежать

толкнуло её в воду. Неглубокий, но сильный поток сбивал с ног, она скользила и падала, изо всех сил стремясь попасть на противоположный берег. Движения были мучительно медленными... Быстрее! Быстрее! Шаг, ещё шаг. И вдруг на той стороне реки Аня увидела Диму. Он протягивал к ней руки, кричал, а она не успевала до него добраться. В следующий миг что-то ударило в спину, и она полетела лицом вперёд — в воду, разбиваясь о каменное дно...

Аня резко открыла глаза. Сердце стучало от страха. В непроглядной темноте она нашарила под подушкой телефон и посмотрела на время: 03:40. Вылезла из постели и вышла на улицу. Предутренний мрак был настолько концентрированным и плотным, что, казалось, давил на плечи. Из всех звуков природы был слышен только шум ручья. Аня шагнула в какой-то другой мир — на грани между сном и явью. Не было видно ни деревьев, ни тропинок, ни Диминого дома. Даже небо и звёзды исчезли. От ощущения кошмара никак не удавалось избавиться, казалось, из темноты на неё зло смотрят глаза Кары и гонят прочь. Снаружи оказалось страшнее, чем внутри. Убегая от непонятной жути, Аня вернулась в дом и залезла под одеяло. «Всё хорошо, это просто сон», — убеждала она себя. Уснуть ей удалось не скоро, но, когда сознание потухло, на стене в изголовье кровати тихонько звякнули от прикосновения невидимой руки бусины ловца снов.

Рано утром Аню разбудил настойчивый стук в дверь. Вы-

лезать из постели совершенно не хотелось, и она не могла понять, почему Марья Михална решила принести завтрак в такую рань.

— Иду. Иду же!

Открыв дверь, она замерла. На пороге стоял Дима. Сонливость ушла разом, в груди похолодело. Она увидела себя со стороны: растрёпанные волосы, помятое лицо, старая футболка, едва прикрывающая бёдра. Дима же был свеж, умыт, одет. От него пахло мылом, пеной для бритья и кофе. Чёрт! Дима беззастенчиво разглядывал Аню. И улыбался, как... как последний засранец! Она скрестила руки на груди, пытаясь прикрыться.

— Извините, не подумал, что вы ещё спите. Но дело срочное. Вы вчера, помнится, очень хотели пожить на Алтае? Так вот, предлагаю ещё одну экскурсию — в гости к настоящим отшельникам, которые уже двадцать лет как променяли город на здешние места. Поедете со мной?

— Что, прямо сейчас?

— Сейчас или никогда. Добраться туда на машине не так-то просто, пешком идти далеко, но ко мне оттуда приехал Сергей. На вездеходе. Он нас подхватит. Если упустите шанс, другого не будет.

— Дайте мне пять минут.

Отшельник Сергей оказался поджарым мужчиной лет пятидесяти, одетым в спортивную кофту и широкие джинсы, а вовсе не седым старцем с густой бородой и в домотканой

рубахе. Он взглянул на Аню с любопытством и залез в кабину, уверенно расположившись за рулём самодельного транспортного средства угрожающего вида с огромными колёсами. Дмитрий подал ей руку, помогая залезть в открытый кузов. Сам устроился рядом на жёсткой скамье. Они легко миновали грунтовку, ведущую от фермы, немного проехали по трассе и начали подъём по дороге, которая вскоре превратилась в настоящую полосу препятствий.

Аня лишь успела изо всех сил вцепиться в металлический поручень, услышав от Димы: «Держитесь!» Вездеход, понятное дело, ехал с небольшой скоростью, но ей показалось, что он рванул вверх, как гоночный болид, скакал на кочках, как кенгуру, и рассекал ручьи, как идущий на таран танк. Болтало так, что порой казалось, рука на очередном ухабе не выдержит и оторвётся. А о том, чтобы достать фотоаппарат и поснимать дорогу, Аня побоялась даже думать: щедро летящая из-под колёс грязь не оставила бы технике никакого шанса.

Когда на очередном ухабе она, вскрикнув, подскочила вверх, Дима придвинулся ближе и крепко притянул её к себе за талию. Его рука держала Аню, словно стальной трос.

— Вы слишком лёгкая, того и гляди вылетите из кузова.

Она хотела возразить, но сила его объятий и безопасность, которую они дарили, заглушили все протесты.

Поселение отшельников расположилось на склоне горы и занимало несколько гектаров земли. Большой деревянный

дом, гораздо больше, чем Димин, дышал уютом. На столе красовались горячие жареные лепёшки, большая голова молодого домашнего сыра, маленькие полоски чечила¹, овсяная каша, ароматный чай. Чудеса! Там были телевизор, холодильник, стиральная машина, ноутбук. За разговором выяснилось, чего стоил фермерам этот домашний уют.

Оксана, хозяйка дома, немолодая женщина в цветастых шароварах и хлопковой рубашке с этническим рисунком, поведала, что на ручье, ниже по склону, они оборудовали ГЭС, поставили столбы и протянули электрические провода в дом. Это в дополнение к солнечным батареям. Также, самостоятельно, проложили в каменистом грунте водопровод протяжённостью восемьсот метров.

— Когда мы сюда приехали, здесь росла трава в полтора человеческих роста, было море гнуса. Сейчас мы живём как на курорте. Но с очень интенсивной трудотерапией, — улыбнулась Оксана. — В городе трудно психологически, здесь — легко, но пахать нужно всё время. Кто пахать не готов, тот здесь не сможет осесть. Как-то, когда у нас ещё не было электричества, мы вернулись из Новосибирска, а снега подвалило невероятное количество. Сергей остался по делам в деревне. До половины пути ещё была дорога, а дальше — ничего. Я в снег нырнула, а там по пояс. И ползла шесть ки-

¹ Чечил — волокнистый рассольный вытяжной сыр в виде плотных по структуре толстых или тонких нитей, собранных в тугой пучок или свёрнутых в перевязанные жгуты, иногда в форме косички или клубка, часто в копчёном виде.

лометров до дома. Доползла, хозяйничаю, печку топлю, а у меня керосиновая лампа с одним-единственным последним стеклом. Я какое-то бельишко постирала, повесила, а с него вода на лампу кап — стекло тресь! Вы представляете, что это для меня значило? Зима, темно, ни фонарика, ничего. У нас тут очень весело было в первое время.

— Как же вы не сбежали отсюда? — ахнула Аня и тут же прикусила язык, словно своим возгласом подтвердила убеждение Димы в том, что у неё самой кишка тонка.

— Страшно, когда ты один. Потому что один в поле не воин, — ответил Сергей. — А вместе с другим людьми можно всё что угодно сделать. Мы тут уже почти двадцать лет, за это время у нас селились знакомые, родственники и просто чужие люди, сейчас вот впятером остались. Конечно, человеку, который никогда с такой жизнью не сталкивался, очень сложно это понять. Один мужик продал квартиру, приехал с женой и детьми в заброшенную деревню, которую мы по пути проезжали. Я еду как-то раз, смотрю и глазам не верю: куча вещей, дети на них сидят — бледные, замученные — ужас! Они заселились в один из домов и влачили жалкое существование несколько лет, пока не проели все деньги. В результате уехали куда-то ближе к цивилизации. Суть моего опыта в том, что, если не будет кооперации, случится вот такая печальная история. У нас же раньше в деревнях как было: надо кому-то дом, все собрались, поставили сруб. Не за деньги, бесплатно. Вот если к этим истокам люди вернуться,

тогда да.

Дима кивнул:

— Когда я купил землю, у меня было достаточно денег, чтобы заплатить строителям, нанять спецтехнику. Но я был в растерянности: с чего начать? К кому обратиться? Деньги здесь имеют какое-то другое свойство, они не всегда помогают. А вот люди — да. Без Марьи Михалны, Петра Васильевича и вас я бы вряд ли что смог.

Аня спросила:

— А как же без школ, больниц, магазинов?

— Ездим в город — по самым разным делам, — ответил Сергей. — Иногда каждый день приходится, иногда по месяцу не выезжаем. Почему где-нибудь в Америке фермеру нормально жить вдали от населённых пунктов, и никто круглыми глазами на это не смотрит? А у нас всех согнали в города и пытаются людьми управлять. Это же проще.

— В город не тянет: приезжаешь туда, и сразу хочется домой. Воздух плохой, вода плохая, людям тяжело очень, это чувствуется, — добавила Оксана, задержав взгляд на Ане.

Пока взрослые общались, сидя у окна за круглым столом, дети на полу раскрашивали картинки, собирали конструктор, играли в шахматы. На улице накрапывал дождик, но никто не требовал включить компьютер и не рвался к играм на смартфоне. Ане трудно было поверить, что можно жить вот так: в каком-то своём мирке, но какой же притягательной казалась эта атмосфера. Хотелось задержаться подоль-

ше, остаться на ночь, позавтракать с этими людьми, поработать бок о бок в огороде.

Когда Дмитрий с Сергеем решили свои дела, они попрощались с Оксаной и детьми.

— Садитесь в карету, подброшу вас обратно. А то ведь не дойдёте, — предложил Сергей, покосившись на Аню.

Они снова забрались в вездеход и пустились в сторону фермы «Горный ручей».

Аня молчала. Она только что побывала в другом мире, увидела других людей — не романтиков, но отчаянно смелых, сильных и работающих, точно знающих, что жизнь — одна и прожить её нужно только так, как хочется. «Смогла бы я так же? Лёша бы точно не смог», — размышляла она. Он отлично разбирался в компьютерах и новых технологиях, хорошо рисовал, всегда знал, как сотворить на экране что-то особенное, но его невозможно было представить рубящим дрова или закалывающим свинью.

Она украдкой поглядывала на Диму, который молча смотрел вдаль. Дима, Сергей, Оксана. Этих людей связывали невидимые прочные нити, пусть они редко встречались и жили далеко друг от друга, но в случае беды им было к кому обратиться. Это необычное содружество вызывало зависть, Ане захотелось стать одной из них. Щемящая тоска вперемешку с робкой надеждой наполнили её душу.

На следующий день Аня решила сразу после завтрака отправиться на прогулку. Надев оранжевую толстовку, которая всегда поднимала её настроение, она вышла на улицу и взглянула на самую высокую из ближайших гор. Отсюда казалось, что возвышенность сплошь покрыта мягкой зелёной травой, лишь кое-где виднелись каменистые выступы да негустая поросль деревьев.

Подъём выдался непростым. Аня ругала себя за то, что взяла мало воды — она закончилась уже через пару часов, которые понадобились, только чтобы доползти до вершины. Трава оказалась жутко колючей, каменные выступы — острыми, а сам подъём слишком крутым. В кроссовках было неудобно — того и гляди подвернёшь ногу. Мышцы гудели, в груди горело сухое пламя, в висках пульсировал ток крови. Но на самом верху Аню ждала награда. Никогда в жизни она не видела такой картины: узкая серая лента дороги, едва различимые за деревьями изгибы ручья, показавшиеся из-за горизонта новые горы и бесконечный простор.

— Я не знаю, что мне делать и как жить дальше, — произнесла она вслух и улыбнулась. — Но я уверена, что теперь смогу всё.

Как следует передохнув, Аня начала возвращаться. Вспомнила о том, что, как говорят, спуск гораздо труднее подъёма. И правда, первые полпути дались ей с трудом. Кроссовки скользили по траве, то упираясь в кочки, то проваливаясь в ямки. Ей приходилось хвататься руками за ко-

лючую траву, ойкать и айкать. Даже через небольшие расстояния, покрытые быстрыми размашистыми шагами, каждый из которых грозил падением, Аня присаживалась на пятую точку. Ноги начали трястись и подкашиваться. Она подумала, что завтра с трудом встанет с кровати, и пообещала себе по возвращении домой начать ходить в спортзал.

И вдруг, в очередной раз пытаясь удержать равновесие, она почувствовала толчок в спину. Ноги заскользили по склону, не находя упора. Она закричала, со всего размаха упала на колени, но не смогла остановиться и продолжила падение, безуспешно хватаясь за землю. В какой-то миг Аня совершенно потеряла ориентацию, кубарем полетев по склону, а ещё через пару метров рухнула куда-то вниз.

Глава 5. Кара

Свою мать Кара не помнила совсем — та умерла, когда малышке было два года. Все говорили, что она была настоящей красавицей, а больше ничего. Не помогали ни расспросы, ни истерики. Однажды отец запретил спрашивать о матери и пригрозил забрать любимую куклу. Кара в тот же миг по его тону поняла, что угроза не пустая, и перестала задавать вопросы.

Она жила по местным меркам просто роскошно. У Урenea был большой кирпичный двухэтажный дом, огромный участок земли, красивая беседка из кованого металла, новая баня, две машины. Кара носила лучшую одежду, которую можно было купить в торговых центрах ближайшего города, ездила в кинотеатры и на концерты. У неё всегда были хорошие игрушки, сотовый телефон, компьютер. Отец баловал её и растил, как принцессу, даже когда в семье родилось ещё трое детей от второго брака.

Стать самым богатым человеком в деревне Урению помогла трасса. Чуйский тракт, автомобильная дорога федерального значения, гнала поток машин прямо через деревню, разрезая её на две неравные части. Сначала отец Кары поставил на обочине небольшую заправку, потом, с приходом москвичей, удачно её продал и построил кафе для туристов и дальнoбойщиков, затем занялся продажей земли, ку-

пил базу отдыха на берегу реки.

Со временем всё больше людей устремлялось на Алтай. Кто-то приезжал на выходные с полными багажниками алкоголя, кто-то лез в горы, кто-то покупал дома и участки, чтобы остаться насовсем. Именно эти люди сделали Урenea обеспеченным человеком, но русских он недолюбливал. Наблюдая за ростом своего кошелька, он видел, как меняется окружающий мир: появляются по берегам рек новые базы и заборы, а с ними свалки мусора, уходят выше в горы животные и улетают птицы, покой покидает эти места. С изменениями пришлось мириться, потому что самым главным было обеспечить хорошую жизнь своим четверым детям, а для этого нужно крутиться, крутиться и крутиться.

Мачеха Кары, тихая, молчаливая женщина, готовила еду, убирала в доме, воспитывала детей и занималась только хозяйством. С девочкой она держалась почти так же, как с мужем, — почтительно, дружелюбно, но на расстоянии. Их отношения больше напоминали отношения приходящей няни и её подопечной. О том, чтобы заменить ребёнку мать, не было и речи. Но, казалось, Каре хватало любви отца. Он был вечно занят своими делами и зарабатыванием денег, а иногда мог впасть в ярость от непослушания, но она точно знала, что занимает в его жизни самое главное место.

В школе Кара училась без особых усилий, хотя уроки и учебники её совсем не интересовали. Учителя ставили ей оценки то ли «за красивые глаза», то ли за богатого папу. Де-

вочка же стопками читала романы о любви и глянцево-е журналы, танцевала и пела перед телевизором, мечтая когда-нибудь стать звездой шоу-бизнеса. Но в день её четырнадцатилетия всё изменилось.

В тот жаркий летний полдень она вышла со школьного двора и заметила в стороне какую-то тёмную древнюю старуху. Та стояла и смотрела прямо ей в глаза. Зажмурившись от солнца, Кара, сама не зная почему, подошла к ней.

— А вот и ты, внученька. С днём рождения тебя! — сказала старуха удивительно молодым и живым голосом. — Пойдём со мной, я хочу сделать тебе подарок.

Привыкшая не бояться никого и ничего в родной деревне, Кара пошла с ней. На самой окраине у реки стоял старый домишко. Девочка много раз видела его, когда гуляла по окрестностям, но никогда не спрашивала, кто там живёт. Старуха усадила её на кривую деревянную лавочку за домом, а сама пристроилась рядом.

— Я твоя бабушка. Айбала. И хочу рассказать тебе про твою мать. Тамара... так её звали, ты знаешь? Она была молодой и красивой, как ты... Совсем как ты... Не знаю, что тебе рассказывал отец, но она умерла, когда тебе было два года. Бросилась в Катунь. Демоны сожрали её душу, а Уре-ней толкнул в пропасть собственными руками! Он ревновал её к каждой собаке, а сам вскоре после свадьбы начал ездить к какой-то девке в соседнюю деревню. Тамара всё знала, она вообще многое знала и видела и не могла стерпеть. Он

же объявил её сумасшедшей! Такие скандалы у них были, страшно вспомнить. Она прибегала ко мне, рыдала от отчаяния. Любила она его, чёрта, но простить не могла.

А когда Тамара сгинула, он велел мне не появляться у тебя на глазах, иначе, говорит, задушу ночью подушкой, и дело с концом. Я уже не боюсь его, мне скоро к Эрлику² путь лежит. Но ты должна знать, что мать любила тебя, что она могла делать то, чего не могут другие, а сгубил её твой отец!

Ты тоже... как она. Если завтра придёшь после школы, я тебе покажу кое-что. А захочешь — научу пользоваться своей силой. Решай! Только приходи одна и смотри не проболтайся! Ни подружкам, ни тем более отцу! — При упоминании Уренея старуха сплюнула на землю.

Как во сне, Кара добралась до дома и закрылась в комнате, отменив свой праздник. Появившись вечером, отец сначала пытался добиться от неё ответа на вопрос, что случилось, но, натолкнувшись на упорное молчание и стеклянный взгляд, не на шутку разозлился. Он начал орать, что зря потратил столько денег на праздник, что опозорился перед родными-друзьями, что дочь превращается непонятно в кого...

— Не нужны мне твои деньги! Думаешь, ты меня купил, что ли? Я знаю, ты меня никогда не любил! А все эти шмотки и игрушки — чтобы пыль в глаза пустить. Типа смотрите, какой я хороший отец для сиротки, без мамки оставшейся!

¹ Эрлик — в тюркской и монгольской мифологии владыка подземного мира, высший правитель царства мёртвых.

Это ты виноват в том, что её нет! Ты её убил! Ненавижу тебя! — ответила криком Кара и пулей выскочила из дому.

С того дня всё изменилось. Самым страшным было то, что Кара убедилась: старуха сказала правду. Она прочитала это в глазах отца, когда злые и жестокие слова срывались с её губ, она увидела это на его лице и на следующий день, когда встретилась с ним за ужином. Между ними пролегла пропасть. И хотя Урней не поднял на неё руку и не наказал, он молчал и делал вид, что дочери рядом с ним не существует.

Внешне её жизнь текла, как раньше: она ходила в школу, делала уроки, помогала мачехе по хозяйству, гуляла с друзьями по вечерам. Но внутри Кары бушевали страсти. Ей хотелось убить отца, но, стоило только оказаться рядом с ним, она становилась бессильной. Хуже всего, что ей не с кем было поделиться своими переживаниями, некому было рассказать о них. Казалось, что душа её заперта в тесную, душную и грязную клетку, из которой нет выхода. Как-то раз, когда стало совсем тяжело, она вернулась к домику старухи, а потом начала ходить туда при любой возможности, когда знала, что отец занят делами и его нет дома.

Самым ценным в этих встречах была возможность узнать больше о своей матери. Бабка рассказывала о том, каким ребёнком была Тамара, как она училась в школе, чем увлекалась, как выглядела, что любила делать. В эти моменты её слезящиеся глаза смотрели куда-то за горизонт, а голос становился совсем молодым и сильным.

Ещё Айбала говорила Каре странные вещи. Что-то о силе, недоступной другим, и возможностях, которые она даёт. Девочка стала вспоминать и подмечать какие-то события и детали, о которых раньше не задумывалась. Ей казалось, что все так могут: знать, какая завтра будет погода, чем закончится детская игра или в каком настроении вернётся сегодня домой отец. Сначала бабка учила её замечать приметы и знаки, а потом — делать так, чтобы случалось то, чего хочет именно Кара.

Скоро эти встречи стали для девочки самым важным событием дня. Ей казалось, что она нашла место, где можно быть по-настоящему единственной, особенной, лучшей и любимой. Бабке она рассказывала всё: о своих ночных кошмарах, о ненависти к отцу, о ссорах с лучшей подругой.

— Никогда не торопись, — говорила бабка. — Никому не причиняй вреда наспех. Держи себя в узде. Сначала подумай: может ли этот человек быть тебе полезен, можешь ли ты что-то получить от него. Будь осторожна и всегда помни: к помощи духов стоит прибегать только в крайнем случае, когда сама не можешь справиться. Иначе сила твоя растратится раньше времени.

Но силу чувствуй и лелей внутри. Встань, ну что ты сидишь, как куль. Плечи расправь, на солнце гляди. Вспомни мать свою, безвинно погибшую, вспомни отца — да в глаза ему смотри! Чуешь жжение в груди? Чуешь злобу свою? Расти её, пока она всю тебя огнём не охватит, так что даже

кончики пальцев затрещат, а потом сожми кулаки и держи! Крепко держи, чтобы не вырвалась раньше времени! А когда время придёт — отпускай! Швыряй её, кидай со всей мочи туда, куда целишься. И она всё сметёт на своём пути.

Поняла? Я не в силах уже сама ничего сотворить, а вот ты... ты отомстишь. А теперь иди, устала я.

Но однажды Кара слегла с гриппом, и две недели её не выпускали из дому. Получив вольную, она первым делом побегала к бабке, но не нашла её на месте. Дверь была открыта, и все вещи остались на своих местах. Но темнота затянула углы комнаты, а осенний холод проник во все щели. Она покормила голодную собаку припасёнными сухарями и вернулась домой. В тот день Урней заговорил с ней впервые за последние месяцы.

— На этом всё. Старуху ты больше не увидишь. Померла она. И запомни, теперь будешь жить так, как я скажу. И будешь благодарна мне за всё, что я делаю. И если я сейчас не спас тебя от великой беды, то уже ничто и никто не поможет. Иди садись за стол, будем ужинать.

И Кара подчинилась.

Она должна была горевать и убиваться из-за бабушки, должна была ещё сильнее возненавидеть отца, который отнял у неё последнее, что принадлежало только ей. Но на месте сердца образовалась пустота. Гораздо позже Кара поняла, что Урней спас от беды себя. Проживи бабка ещё немного и продолжи передавать внучке тёмные знания, Кара могла бы

стать орудием мести в чужих руках. И хотя старуха не всему успела её научить, наука не пропала даром.

Шли годы. Для девочки, которая превращалась в женщину, это было самое трудное время. Она больше не противоречила отцу и вела себя как примерная дочь: хорошо училась в школе, не пропадала с друзьями по вечерам, присматривала за младшими детьми. Подходила к концу учёба в школе, и Урней стал задумываться, в какой бы вуз пристроить дочь. Он полагал, что ему удалось побороть её крутой нрав и теперь можно расслабиться: отправить Кару учиться в большой город, а потом, после получения диплома по какой-нибудь экономической специальности, взять к себе на работу. Грамотных специалистов на селе не сыщешь, а Урнею нужен помощник — молодой да современный. В дочери он видел жизненную хватку и надеялся использовать её в своих делах.

Кара же тем временем об учёбе не помышляла. И если бы отец знал, что творится в её душе, он бы, пожалуй, запер её насовсем в тёмном сарае. Понимая это, девушка вела себя очень осторожно.

Однажды летом она сидела с подружкой на бетонном парапете около небольшого продуктового магазина, который располагался в центре деревни. Так называемая «площадь» представляла собой открытое пространство с газоном и клумбой, вокруг которого ютились главные местные заведения: Почта России с отделением Сбербанка, магазинчики

и кафе. Здесь же парковались все автомобили, проезжающие на своём пути деревню.

Было жарко, и ужасно хотелось курить. Но чтобы достать сигарету из кармана, нужно было спрятаться за деревянный туалет, стоящий на пустыре за пивнушкой, а идти было неохота. Здесь, по крайней мере, можно было поглазеть на разных людей, пусть и немногих, кто заезжал купить продуктов или алкоголя.

Большой чёрный джип, лихо завернувший с дороги и поднявший за собой облако пыли, остановился невдалеке от девушек. Оттуда вышел высокий загорелый парень с великолепными бицепсами, подчёркнутыми белоснежной футболкой, и Кара замерла. Убрав с лица длинную светлую чёлку, незнакомец приспустил с глаз солнцезащитные очки и посмотрел ей прямо в глаза. Улыбнулся. И как ни в чём не бывало зашёл в двери магазина.

— Вот за такого бы я пошла, — выпалила Кара подружке.

— Чего-о? — протянула та. — Нужна ты ему больно. Нет, ты, конечно, крутая и всё такое. Но он же турист! Они нас, местных, за чёрных держат. А то сама не знаешь...

— Ну и дура ты. Если я захочу, то даже его получу. Спорим?

— Чего-о? — опять повторила подружка. — Сама дура. Даже спорить с тобой не буду.

Не прошло и пары дней, как Кара снова встретила красавца-туриста. На этот раз она заехала на своём велосипеде

далеко от дома, туда, где жидкая тропинка через луг и лес упиралась в забор базы отдыха.

Он выходил из ворот в компании двух молодых ребят с лёгким рюкзаком за плечами, отправляясь на прогулку. Кара резко затормозила, чуть не свалившись с двухколёсного друга. Парень увидел её и, как ни странно, узнал. Помедлив пару секунд, он крикнул спутникам, что сейчас догонит, и приблизился к девушке.

— Привет, красавица. Я тебя помню! Ты сидела с подружкой около магазина. Ты же местная, да? Пошли с нами, покажешь, где тут можно прогуляться? Ну, что ты молчишь? А, прости, я Андрей, а тебя как зовут?

— Кара, — пролепетала она в смущении.

— Пойдем? Нет? Боишься, что ли? Да мы не кусаемся. — Андрей улыбнулся — мило и бесхитростно, совсем не пошло, а так, что захотелось ему поверить и пойти с ним.

Но она лишь покачала головой.

— Жаль, красавица. Ну, приходи вечером. Не поздно, часов в семь. Посидим у реки, пообщаемся. У нас гитара есть — споём!

От долгой велосипедной езды и жары у неё кружилась голова, но она резко развернула своего «коня» и рванула прочь.

До самого вечера её жгли воспоминания об этой краткой встрече. К семи часам она убедила себя, что никакой опасности туристы не представляют. «Они нормальные современ-

ные ребята! И потом, не зря же я встретила этого Андрея снова... Это судьба. А кто я такая, чтобы противиться судьбе?»

Кара ускользнула из дому и, пробравшись по самому берегу реки, скоро оказалась на месте. Здесь мощная Катунь бежала почти лениво и казалась мягкой, спокойной. У самой кромки её молочно-белого потока образовался небольшой песчаный пляж, обнесённый большими серыми камнями. На одном из них сидел Андрей.

— А где твои друзья?

— Кара, боже ты мой! Пришла! Они скоро подтянутся. Будешь? — Он с улыбкой протянул ей бутылку пива.

Она взяла и сделала большой глоток. Для храбрости. А дома потом что-нибудь соврёт, благо отец уехал до самой ночи, а то и до завтра не вернётся.

Оказалось, что Андрей приехал из самой Москвы. Он долго восхищался местной природой, а потом так же долго отвечал на её вопросы о столице. О том, что его друзья так и не подошли, она даже не вспомнила. Кара вернулась домой, как только наступила темнота, и осталась незамеченной, ненаказанной.

Кара стала приходить к Андрею каждый вечер. Через два дня он её поцеловал, а ещё через два дня лишил девственности под огромной елью. Кару распирало от страсти и гордости. Она собиралась сбежать с ним в Москву и окунуться в неведомую прекрасную жизнь подальше от отца. Ещё через

неделю Андрей уехал, не сказав ни слова.

Когда он не пришёл на их место в обычное время ни в первый вечер, ни во второй, Кара забеспокоилась. На третий, сгорая от стыда и потому слишком высоко задирая подбородок, она заявила на базу отдыха и разузнала про москвичей. Все они съехали два дня назад.

Но хуже всего было то, что кто-то донёс до Уренея слухи, которые Кара, убитая горем, не смогла отрицать во время домашнего допроса. Её жизнь сделала очередной виток и снова превратилась в ад.

Глава 6. Незнакомец

Юрий Мунатович был старым приятелем Уреня. Невысокий, грузный сорокалетний мужчина, он нисколько не думал о своём внешнем виде, потому как все его заботы были связаны с хозяйством и зарабатыванием денег. Казалось, и зимой, и летом он ходит в одной и той же кожаной куртке тёмно-коричневого цвета, только в морозы на голове появлялась рыжая лисья ушанка, которая делала всю фигуру ещё более похожей на квадрат.

Он был вторым после Уреня человеком в селе. Кулак, как назвали бы его на заре советской власти. Крепкий хозяйственник, как называли сейчас. Первая его жена умерла от энцефалита год назад, не оставив после себя детей. Кара знала его с самого детства и всегда называла только так: Юрием Мунатовичем.

Примерно через месяц после исчезновения Андрея поздно вечером, когда в доме уже все спали, отец усадил дочь за кухонный стол и сказал:

— Завтра на обед придёт Юра. Слушай и не перебивай. Ты будешь вести себя любезно и тихо. Ему нужна жена, а тебе, после всего, что ты учудила, муж. Он давно на тебя смотрит. Если всё сладится, выйдешь за него замуж. Горя знать не будешь, он мужик надёжный и небедный. А я тебе прощу всю дурь и весь грех, по малолетству совершённый. Теперь

иди спать, и к завтрашнему дню чтоб была шёлковой. А иначе я тебя на улицу погоню. Помяни моё слово.

Кара не испытала ни ужаса, ни ярости. Она молча смотрела в лицо отцу и не шевелилась. «Наплевать», — решила девушка и лишь коротко кивнула в ответ на прозвучавший приказ.

Свадьбу сыграли скоро и пышно. Кара была безучастна и к народным традициями, и к современным подаркам. Как в тумане пролетел день, который должен был стать одним из главных в её жизни, но ей не было жаль. Ни себя, ни других.

Первое, что хоть чуть-чуть всколыхнуло поверхность её души, словно песчинка упала в гладь озера, случилось сразу же в ночь после свадебной гулянки. Юрий Мунатович, пьяный, сытый и до крайности довольный собой, в спальне повёл себя как юноша в любовной горячке. Жадно срывал с Кары платье и бельё, без остановки целовал в губы, больно мял её грудь, а потом резко вонзился в неё, едва дотолкав до кровати.

Он бил своими бёдрами о её, а Кара думала только об одном: «Вот тебе, Андрей! Вот тебе! Вот тебе!»

Когда Юрий Мунатович заснул высоко и жалобно, наоборотная чуть не рассмеялась. Прежде чем уснуть, он перебрал весь словарь уменьшительно-ласкательных прозвищ и наобещал своей «царице» все богатства мира. Его храп только начал прорезать ночную тишину, а Кара уже знала, какой будет её новая жизнь и как она сможет управлять своим му-

жем.

Однако в действительности всё оказалось не так просто. Первый месяц-два Кара каталась как сыр в масле: получала от мужа цветы и подарки, ничем себя не утруждала. Но постепенно стала замечать, что Юрий Мунатович стал чаще прикладываться к рюмке — сначала за ужином, потом уже до того, как вернуться вечером домой. И однажды он сорвался.

— Ты ведь не любишь меня совсем, да, девочка? — начал Юрий Мунатович, отодвигая от себя пустую тарелку, на которой только что дымилось тушёное мясо.

Кара проследила глазами, как он опрокидывает в себя рюмку с ледяной водкой, не закусывая больше.

— Ну что ты. Люблю, конечно. Ведь ты у меня такой хороший. Работающий, щедрый, балуешь меня, как принцессу, — пропела она.

Но в этот раз что-то пошло не так, и он не поверил. От удара его кулака со стола слетели и тарелка, и рюмка, разбившись на крупные осколки.

— Врёшь! — взревел он, и Кара только в этот миг заметила, что муж пьянее обычного. Тот же продолжил: — Только я за порог — ты бежишь из дому. Куда? Куда, я тебя спрашиваю?! Думаешь, не узнаю? Забыла, где живёшь? Тут все про тебя всё знают и мне доложат рано или поздно.

— Опомнись, Юра! — уже резче произнесла она, выдавив из себя имя мужа, которое терпеть не могла.

В следующий миг её голова лежала на столе лицом вниз, а

мужнин кулак с силой сжимал её волосы, причиняя жгучую боль.

— Заткнись, ведьма! Я тебя научу слушаться!

Удары последовали один за другим: по ягодицам, по спине, по бёдрам. Кара не могла издать ни звука: все свои силы она направила на то, чтобы удержать под уздой вспыхнувшую внутри ярость. Она знала, что ярость эта способна убить прямо сейчас, но делать этого вот так нельзя. Также знала она, что, раз вспыхнув, это пламя уже никогда не погаснет полностью.

* * *

Тот день Кара вспоминала часто, прокручивая в голове самые незначительные события, перебирая детали. Что было бы, если бы она не зашла в отцовское кафе? Или не выглянула из кухни в зал? И каждый раз понимала: не могло ничего другого случиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.